This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A
9009

The Library

of the

University of Wisconsin

GAYLAMOUNT
PAMPHLET BINDER
Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

3A1/127

ЮДИ—БРАТЬЯ.

СВЯЩЕННИКА

Г. С. ПЕТРОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ТЫСЯЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
рафія П. Вощинской, Спб., Ярославская ул., № 1—9.
1903.

OS ANGELES

LIUDI-BRATIA

ЛЮДИ—БРАТЬЯ.

Русскій Домъ
Трудолюбъ
Е. И. Скаржинской
Лозанна

PETROV

СВЯЩЕННИКА

Г. С. ПЕТРОВА.

Русская Библіотека
à
LOS ANGELES

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Вощинской, Ярославская ул., № 1—9.
1903.

Дозволено Цензурою. Спб., 16 Іюня 1903 г.

А
9009

678965

Люди—братья*).

I.

Извощикъ—философъ.

При переѣздѣ черезъ границу въ Австрію, на пограничной станціи я купилъ книгу изъ галиційской жизни. Когда ѣхалъ дальше по Галиціи, случайно попалъ въ ту мѣстность, гдѣ происходило описываемое въ книгѣ дѣйствіе. Мнѣ захотѣлось дочитать книгу на фонѣ его естественной, природной обстановки. Я вылѣзъ на маленькой станціи и пробылъ здѣсь весь день. Вышло не совсѣмъ удачно. Пошелъ дождь. Кругомъ высились Карпатскія горы. Небольшой кусокъ неба надъ головой густо заволокся тучами. Около станціи деревнюшка тонула въ грязи. Пришлось сидѣть на вокзалѣ. Прочитавъ книгу до конца, я сталъ обѣдать. Подлѣ, у буфета, четверо желѣзнодорожныхъ служащихъ сидѣли и играли въ карты. Мнѣ дали простой, но сытный и вкусный обѣдъ: прекрасный супъ, жареное мясо, цыпленка, фрукты и стаканъ кофе съ пирожнымъ.

*) „Люди — братья“ — глава изъ печатающейся книги „Вавилонская башня“, („Города и люди“).

*

Спрашиваю: „что стоитъ?“. Хозяинъ буфета подходитъ самъ и, наклонясь ко мнѣ, почти шопотомъ говоритъ:

— Сорокъ крейцеровъ (около 30 копѣекъ).

Думаю, ослышался или не понялъ; переспрашиваю: „сколько?“. Хозяинъ снова наклоняется и еще тише, но ясно отчеканиваетъ:

— Сорокъ крейцеровъ.

Удивляюсь непонятной дешевизнѣ и расплачиваюсь. Содержатель буфета любезно предлагаетъ отдохнуть въ залѣ. Я говорю:

— Я пробовалъ уже туда войти, но у васъ заперто, да и удобно ли, если я засну въ общемъ залѣ?

— Ничего,—успокаиваетъ хозяинъ буфета,—у насъ поѣзда проходятъ рѣдко, до десяти часовъ вечера никого не будетъ. Я сейчасъ вамъ открою и, если позволите, принесу пледъ укрыться.

Я благодарю и удивляюсь крайней любезности нѣмца. Черезъ двѣ минуты мы съ нимъ вдвоемъ въ залѣ. Чуть только дверь за нами закрылась, мой „нѣмецъ“ хватаетъ меня за руку и полурусскимъ, полумалороссійскимъ языкомъ говоритъ:

— Вы русскій! Изъ Россіи! Какъ я радъ! У насъ мѣсто глухое. Мы живемъ въ сторонѣ. Проѣзжихъ изъ Россіи тутъ не бываетъ, и я первый разъ вижу русскаго, родного брата изъ великой Россіи.

Мой „нѣмецъ“ оказался русскимъ, или русиномъ, какъ ихъ напрасно обычно называютъ. Мы долго по душѣ поговорили. Мой собесѣдникъ жаловался, что русскимъ тяжело жить здѣсь: полякъ и нѣмецъ гнетутъ ихъ.

Послѣ сна я выхожу снова въ буфетъ пить

чай. Желѣзнодорожники попрежнему сидятъ за картами. Мой хозяинъ, не давъ мнѣ раскрыть рта, какъ-то демонстративно громко спрашиваетъ меня по-нѣмецки: не угодно-ли мнѣ чего-нибудь, и затѣмъ, все время говорилъ по-нѣмецки. Передъ отходомъ моего поѣзда онъ вышелъ ко мнѣ на платформу и подъ покровомъ наступившей темной ночи, при полномъ безлюдьи, снова, по-русски, говорилъ о своей радости видѣть у себя, въ глухомъ углу, русскаго брата, изъ далекой и дорогой Россіи.

Мнѣ было жалко его. Я понялъ, что онъ, русскій, боялся говорить по-русски со мной, съ роднымъ братомъ, отдѣленнымъ отъ него только пограничной чертой.

Мѣсяца два спустя, въ бытность уже въ Венеціи, я, купаясь въ морѣ, натолкнулся снова на русскаго изъ Галиціи. Вспомнилъ содержателя буфета и говорю:

— Неужели онъ не смѣлъ, боялся говорить при нѣмцѣ-начальникѣ станціи со мною по-русски?

— Конечно,—сказалъ новый знакомый галичанинъ.—Его въ двадцать четыре часа отстранили бы отъ буфета, если бы онъ посмѣлъ заговорить съ вами по-русски.

Я не вѣрилъ.

— Увѣряю васъ, — твердилъ галичанинъ.—Вы представить себѣ не можете, что у насъ, въ бѣдной Галиціи, творится, въ какомъ загонѣ здѣсь держатъ нашъ чудный русскій языкъ. Я былъ въ Россіи, въ Почаевской Лаврѣ. Зашелъ по дѣлу къ исправнику. Тотъ, по моему выговору, принялъ меня за поляка и заговорилъ со мной по-

польски. Я удивился. Хотѣлъ бы я знать, какъ бы у насъ, въ Галиціи, коронный чиновникъ, изъ русскихъ, посмѣлъ съ вами, съ россіяниномъ, на службѣ заговорить по-русски. Его немедленно взяли бы подъ подозрѣніе и не дали бы ему никакого хода. У насъ служащій чиновникъ или учитель не смѣетъ выписывать книгъ изъ Россіи.

— Я, впрочемъ, не смотрю ни на кого,—расходился мой галичанинъ, купаясь со мной въ морѣ на Лидо, подлѣ Венеціи, въ Италіи.—Я ничего не боюсь, я выписываю изъ Россіи „Ниву“ и „Сѣверъ“.

Оказывается, что въ Австріи чтеніе даже семейно-невинныхъ русскихъ журналовъ, дѣлаетъ галичанина политически неблагонадежнымъ. До чего можетъ дойти національная рознь и вражда! И это не исключительное явленіе. Въ этомъ отношеніи вся Австрія—одинъ большой клокочущій котелъ. Во Львовѣ я встрѣчалъ даже городовыхъ, которые на нѣмецкіе вопросы мнѣ пріѣзжему, неохотно отвѣчали по-нѣмецки и больше говорили по-польски. Въ Буда-Пештѣ, передъ новымъ венгерскимъ парламентомъ унтеръ-офицеръ австрійской арміи на мой вопросъ по-нѣмецки: „гдѣ входъ въ парламентъ? съ которой стороны?“ рѣзко отвѣтилъ мнѣ: „Ich spreche nur ungarisch“ (я говорю только по-венгерски) и прошелъ мимо. Въ Прагѣ все чешское также враждебно нѣмцамъ. Нѣмцы по всей Австріи враждебны всему славянству. Въ большомъ австрійскомъ городѣ Тріестѣ все населеніе говоритъ по-итальянски и бранится „нѣмцемъ“. Tedesco (нѣмецъ) презрительное слово. Все это связанное механически подъ одною

властью: нѣмцы, венгры, итальянцы и славяне, грызется, злобится, враждуетъ, борется, старается выбиться изъ-подъ гнета и угнетать другого.

Мало этого. Славяне дѣтски-капризно или либерально-глупо ссорятся между собою.

Я былъ на купаньѣ въ Фіуме, на берегу Адріатическаго моря. Населеніе славянское. Говоръ понятный. Ѣду къ купальнѣ. На билетѣ надпись латинскимъ шрифтомъ: „tuda i obratno“ (туда и обратно, совсѣмъ по-русски). Пока надѣваю въ кабинѣ купальный костюмъ, слышу, пробѣгаютъ мимо дѣти и кричатъ:

— Мамо, мамо! Гляди, како мы поскачимо.

Обрадованный, что вдали, на чужбинѣ слышу родные звуки, я вышелъ и обратился къ сторожу, который только что говорилъ съ матерью кричавшихъ дѣтей на ихъ родномъ нарѣчіи.

— Вы сербъ? Говорили сейчасъ посербски?

— Хорвацки!—окрысился грубо на меня сторожъ, словно я его оскорбилъ, назвавъ сербомъ.

Оказывается, хорваты—тѣ же сербы, но сербы-католики и потому не хотятъ даже носить общаго имени съ сербами православными.

Въ Галиціи внутренняя борьба еще печальнѣе.

Тамъ русскіе дѣлятся на двѣ враждебныя политическія партіи. Одна партія, старорусская, тяготѣетъ, какъ и естественно, къ Россіи, другая младорусская, ненавидитъ Россію и, называя староруссовъ презрительно кацапскою партіею, москалефилами, себя величаетъ украйнофильскою партіей. Она мечтаетъ отдѣлить отъ Россіи Малороссію и вмѣстѣ съ Галиціей создать особое, малороссійское государство, Украйну. Вражда этихъ

партій, до такой степени безсмысленно - нелѣпа, похожа на глупый ребячій капризъ, что даже не больно, а скорѣе досадно, возмутительно-смѣшно. Нынче лѣтомъ, напримѣръ, украйнофильская партія на особомъ съѣздѣ, подъ угрозою исключенія изъ партійныхъ рядовъ, запретила своимъ членамъ, какія бы то ни было сношенія съ членами старорусской партіи.

Львовская газета „Галичанинъ“ по этому поводу помѣстила остроумную замѣтку подъ заглавіемъ: „Поэзія и проза“.

„Украйнофилы постановили не входить ни въ какія сношенія со староруссами, подъ страхомъ измѣны партіи,—писала газета. Чтожъ? Если таковъ принципъ, то вѣрность ему похвальна. Твердость въ принципахъ — поэзія жизни, но у этой поэзіи есть обратная сторона, — проза. Дѣло въ томъ, что всѣ украйнофилы, большею частью молодежь, „дѣти“, а „отцы“, старшее поколѣніе, все—„кацапы“. Предположимъ теперь, что у „людей принципа“, у младоруссовъ, обтреплются штаны, надо покупать новыя, но на новыя нужны деньги, деньги-же у отца, кацапа, старорусса; а партія постановила, ни въ какія сношенія съ кацапами не входить. Какъ же быть? Или принципъ сохрани и безъ штановъ ходи, или принципъ промѣняй на новые штаны. Такъ поэзія смѣняется прозой“.

Признаться, когда я читалъ эту статью, мнѣ было крайне досадно. Меня до глубины души возмущалъ этотъ принципъ и эта партійная вражда. И главное, совершается это во имя либерализма. Удивительно тупой, узкій и куцый либерализмъ, если это только либерализмъ! Настоящій либера-

лизмъ необходимо предполагаетъ широту идеи, а тутъ ограниченіе. По-настоящему, люди во имя разумнаго либерализма должны бы объединяться, а они дробятся. Вмѣсто того, чтобы искать болѣе и болѣе точекъ соприкосновенія для тѣснаго единенія и затѣмъ полнаго сліянія, они выискиваютъ мотивы для расхожденія, создаютъ недоразумѣнія, недоразумѣнія превращаютъ въ озлобленіе, и тѣмъ безъ конца строятъ новыя и новыя перегородки между собою. Взаимная вражда растетъ. Люди все болѣе и болѣе озлобляются. На первый планъ выдвигаются не высшіе, общіе, идейные интересы, а частные, узкіе, партійные, часто мелко-самолюбивые и грубо-несправедливые. Свѣтлые идеалы братства меркнутъ, тускнѣютъ, уходятъ въ даль, становятся пустыми словами.

Ѣздишь по разнымъ областямъ такого большого, казалось бы, культурнаго, государства, и чувствуешь себя словно въ громадномъ загонѣ, гдѣ въ каждомъ углу стоитъ отдѣльный косякъ лошадей, и гдѣ всѣ эти косяки обернулись другъ къ другу задомъ, норовятъ одинъ другого больнѣе лягнуть, себѣ больше мѣста захватить. Грустная картина! Печальный показатель, что до истинной культурности современнымъ, такъ называемымъ, культурнымъ народамъ еще очень далеко, и что путь къ этой истинной культурности лежитъ прежде всего черезъ культуру сердца, которая иногда совершается, можетъ быть, даже независимо отъ соотвѣтствующей, столь же сильной культуры ума.

Я въ двадцатыхъ числахъ минувшаго августа возвращался изъ Мюнхена черезъ Берлинъ домой.

Пріѣхалъ утромъ. Ѣду съ одного вокзала на другой, весь городъ украшенъ флагами.

— Почему это развѣшены флаги?—спрашиваю извощика.—Какой у васъ сегодня праздникъ?

Извощикъ маленькаго роста, сѣденькій худенькій лѣтъ за пятьдесятъ старичокъ полуобернулся ко мнѣ съ высоты своихъ козелъ и какъ-то съ затаеннымъ раздраженіемъ заговорилъ:

— Почему флаги?.. Какой, говорите, у насъ сегодня праздникъ. Плюнуть,—вотъ какой сегодня праздникъ. Годовщина Седана. Прошло тридцать лѣтъ. Пора бы и забыть давно, а они флаги развѣсили... Ну, случилось дѣло, пришлось сосѣдямъ подраться. Чего-жъ про это помнить постоянно? старую злобу ворошить? несчастному сосѣду рану бередить?.. Я самъ былъ на войнѣ, орденъ имѣю. Такъ вѣдь это-жъ нужда была, и мы, старики, по себѣ знаемъ, какой это ужасъ—война! Зачѣмъ-же молодыхъ на ту же дорогу натравливать? Съ какой стати ихъ науськивать? въ нихъ злобу будить? Злобы и такъ во всѣхъ много. Намъ бы, старикамъ, другому ихъ надо учить: „мы-де, старики, глупы были, злы были, не умѣли съ сосѣдями по-сосѣдски, по-братски, любовно жить; воевали, сильно воевали. Вы поправьте бѣду, за насъ помиритесь съ сосѣдомъ. Мы побѣдили его силой, причинили ему горе; вы побѣдите его любовью, пріобщите къ своей радости.

Вотъ, еслибъ этому мы могли научить молодежь, это былъ бы праздникъ, тутъ можно было бы гордиться. А то подрались съ сосѣдомъ, разбили ему носъ, поломали ноги, да и хвалимся, тридцать

лѣтъ празднуемъ, каждый годъ флаги вывѣшиваемъ. Тьфу! Стыдно и смотрѣть.

— Вы правы,—сказалъ я извощику.—Вы это хорошо говорили.

—Да конечно же,—спокойно продолжалъ мой философъ на козлахъ.—Пора людямъ понять, что они,—люди, а не звѣри, и что имъ слѣдуетъ жить по-людски. Вы вотъ, господинъ, судя по выговору,—русскій; значитъ, — славянинъ. Мы, нѣмцы, косо смотримъ на васъ: боимся, какъ бы вы, всѣ славяне, не объединились въ одно. И это напрасно, т. е., боимся и косимся напрасно. Дай Богъ вамъ, всѣмъ славянамъ, собраться въ одно, а намъ, нѣмцамъ,—въ свое, нѣмецкое одно. Теперь васъ десять славянскихъ племенъ, и вы всѣ ссоритесь, враждуете другъ съ другомъ. На землѣ десять лишнихъ ссоръ и непріязней. Сольетесь вы въ одно—вражда потухнетъ, злобы меньше станетъ,

Мы, нѣмцы, тоже врозь живемъ. Швейцарскіе нѣмцы—одно, австрійскіе—другое, мы — третье. Баварцы не любятъ пруссаковъ, пруссаки сердятся на саксонцевъ. Пруссія дралась съ Австріей, и, кто знаетъ, что еще можетъ случиться. Соединись-же нѣмцы вмѣстѣ,—тогда частная вражда прекратится и злобы опять убудетъ въ людяхъ. Такъ же могутъ сойтись вмѣстѣ всѣ англо-саксонцы, всѣ латинскіе народы и такъ далѣе. Тогда ужъ, если и будетъ вражда, то не между славянами и славянами, не между нѣмцами и нѣмцами, а только между славянами и нѣмцами, или англосаксами, или латинами. Это будетъ большой шагъ впередъ: за нимъ легче станетъ сдѣлать второй. Объединившись по племенамъ и понявъ всю неправду

братской взаимной вражды, люди тогда легче поймутъ неправду и всякой вражды; смогутъ понять, что, какъ поверхъ пруссака, баварца и тирольца есть вообще нѣмецъ, и какъ поверхъ русскаго, серба и чеха есть славянинъ, такъ дальше поверхъ вообще нѣмца, вообще славянина и вообще англосаксонца есть вообще человѣкъ. Тогда будутъ говорить о необходимости объединенія въ братское цѣлое уже не однихъ разрозненныхъ племенъ, а всѣхъ людей, всего человѣчества. Празднику такого братства людей я радовался бы и самъ бы купилъ флагъ, чтобы украсить свой экипажъ, а то нашли чему радоваться! Сбили сосѣда съ ногъ да и похваляются тридцать лѣтъ!

Мы пріѣхали къ вокзалу. Расплачиваясь, я сказалъ кучеру-философу на козлахъ, что очень радъ своей встрѣчѣ съ нимъ и что, если бы среди людей чаще попадались такіе извощики, человѣчество далеко бы уѣхало по пути истинной культурности.

II.

Полякъ—философъ.

Изъ Львова, изъ Галиціи ѣду въ Венгрію, въ Будапештъ. Время близко къ полночи. За окномъ уныло шелеститъ дождь. Поѣздъ равномѣрно грохочетъ. Клонитъ ко сну. Въ сосѣднемъ купэ спятъ. Я въ своемъ купэ одинъ на свободѣ устраиваюсь и также ложусь. Только задремалъ,—остановка. Открывается дверь моего купэ и кондукторъ впускаетъ кого-то. Я со сна не могу открыть глаза и смотрю, прищурясь. Вошедшій подозрительно осматриваетъ мою фигуру и тихо, почти шопотомъ говоритъ кондуктору:

— Здѣсь уже есть пассажиръ. Нѣтъ ли у васъ свободнаго купэ?

— Нѣтъ. Другія купэ полны.

Новый пассажиръ снова подозрительно косится на меня, недовольно морщится и, видимо скрѣпя сердце, начинаетъ раскладываться на другой скамейкѣ. Время отъ времени онъ въ полумракѣ вагона пристально всматривается въ меня. Наконецъ осторожно пріоткрываетъ задернутый шторой вагонный фонарь и еще разъ окидываетъ взоромъ всю мою фигуру съ ногъ до головы. Затѣмъ раздѣвается, снимаетъ жилетъ и старается незамѣтно спрятать его подъ подушку.

Подозрительность новаго пассажира начинаетъ мнѣ самому казаться подозрительною. Я самъ сталъ подозрительно коситься на чрезмѣрно осторожнаго спутника, осторожно ощупалъ карманъ съ зашитыми деньгами и, повернувшись, легъ на него бокомъ.

Чувствовалось не по себѣ. Появилась смутная тревога. Я не могъ заснуть и нѣтъ-нѣтъ да и погляжу на товарища по вагону. Тотъ также все посматривалъ на меня. Наконецъ, мнѣ стало досадно на себя, на свою подозрительность; обидно за человѣка и за людскія отношенія.

— Что за гадость?—подумалъ я про себя.—Сошлись случайно два незнакомыхъ человѣка и первая мысль обоимъ въ голову другъ про друга: „не обкрадетъ ли онъ тебя? Не сдѣлаетъ ли какого зла?“ Неужели между людьми не можетъ быть иныхъ, кромѣ непріязненныхъ отношеній? и отчего не предположить про незнакомца самое лучшее, а не наоборотъ?

— Стыдно!—сказалъ я себѣ. Повернулся,—какъ раньше лежалъ, и заснулъ.

На-утро мы съ сосѣдомъ по купэ оказались сосѣдями въ вагонѣ-столовой за утреннимъ кофе. Разговорились. Мой спутникъ оказался австрійскимъ полякомъ и ѣхалъ къ Средиземному морю купаться. Когда я ему сказалъ, что я русскій, онъ опять насторожился и какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на меня. Я рѣшилъ взять быка за рога и прямо заговорилъ о русско-польскихъ отношеніяхъ.

— Для меня,—говорилъ я—ненавистна всякая вражда, между кѣмъ бы она ни была, между-ли

нѣмцемъ и французомъ, между-ли русскимъ и англичаниномъ; тѣмъ болѣе грустно смотрѣть на вѣковую ссору поляка и русскаго. Оба—славяне, два родныхъ племени, живутъ бокъ-о-бокъ, говорятъ почти общимъ языкомъ, а глядятъ другъ на друга исподлобья, копятъ одинъ на другого въ сердцѣ злобу, подозрительно слѣдятъ за каждымъ шагомъ другого, въ каждомъ движеніи подозрѣваютъ злой умыселъ. Неужели такъ будетъ всегда? Неужели среди двухъ братскихъ родныхъ племенъ никогда не найдутся люди, которые поднялись бы выше историческихъ былыхъ счетовъ и поглядѣли бы на вещи съ обще-славянской, скажу болѣе, съ общечеловѣческой точки зрѣнія?

У насъ въ древней Руси среди бояръ были постоянные споры изъ-за мѣстничества, кто знатнѣе породой, кому выше кого сѣсть. Эти споры страшно вредили дѣлу. Исторія ихъ осудила и уничтожила навсегда. Пора и славянамъ бросить мѣстническіе споры между собою, дружно приняться за работу и дѣлать великое общеславянское дѣло, употребить свои силы не на взаимную борьбу за первенство, а на выработку общеславянской культуры. Тутъ не должно быть мѣсто спору: „это польское, это чешское, это русское, это сербское“. Все должно быть славянское. Слава и гордость одного племени, Польши, Россіи или Болгаріи, чеха, босняка или славинца должны быть гордостью и славою всѣхъ славянъ. Но какъ этого добиться, я не знаю.

Если можете, научите меня, что надо дѣлать, чтобы я русскій, не былъ врагомъ вамъ, моему родному по племени брату, поляку; чтобы вы, мирно бесѣ-

дуя со мною, случайнымъ спутникомъ, не вздрагивали нервно, узнавъ, что я, вашъ случайный спутникъ,—русскій. Я понимаю, что вамъ больно, что поляки — народъ съ незажившею раной. Я знаю, что къ вамъ надо подходить осторожно, касаться васъ бережно, какъ человѣка съ обожженною кожей. Мало того, я согласенъ, что добрый починъ, первый братскій шагъ обязанъ сдѣлать я, русскій. Мнѣ это легче: у меня нѣтъ боли, нѣтъ горечи, нѣтъ раздраженья. Я безъ надменнаго и покровительственнаго великодушія, безъ всякой задней мысли усыпить васъ сладкими рѣчами о примиреніи, подхожу къ вамъ, какъ братъ какъ самый любящій и уважающій васъ братъ, протягиваю вамъ руку и говорю: „Забудемъ старое. Жизнь движется не злобой, а любовью. Славянство, если и можетъ что внести свое въ европейскую культуру, то, именно, сердечность, теплое, любовное отношеніе ко всему, что живетъ, мыслитъ и страдаетъ. Скажите, чѣмъ я, русскій, современный человѣкъ, неповинный ни въ какихъ винахъ передъ Польшей, напротивъ, полный самыхъ искреннихъ братскихъ чувствъ къ брату-поляку, могъ бы примириться съ вами? Вѣдь нельзя же вѣчно жить во враждѣ между собою, растить цѣлыя поколѣнія въ злобныхъ чувствахъ, въ національной ненависти. Это позорно для культурныхъ народовъ. Это преступно, наконецъ, передъ человѣчествомъ. Разъ судьба волей-неволей связала насъ, необходимо выработать „modus vivendi“, форму жизни, взаимныя отношенія и отношенія, достойныя двухъ культурныхъ братскихъ народовъ. Оговариваюсь, впрочемъ, что я не сто-

ронникъ политической обособленности, не потому что она ваша обособленность, невыгодна, можетъ быть, намъ, русскимъ, а потому, что это—*обособленность*. Люди, особенно братскіе народы, должны стремиться къ объединенію, а не къ разъединенію".

— Я буду говорить съ вами совершенно откровенно, — началъ мой спутникъ-полякъ. Я не люблю русскихъ или, вѣрнѣе, не люблю и очень люблю. Когда я вспоминаю горькое прошлое родины и не вижу никакихъ свѣтлыхъ политическихъ надеждъ впереди, мнѣ дѣлается горько, и эта горечь у меня связывается какъ-то съ русскимъ именемъ, но я не виню васъ, русскихъ, въ горькомъ прошломъ моей родины. Мы сами, поляки, виноваты въ немъ. Вы, русскіе, были только тѣмъ столбомъ, о который мы, по своей винѣ, больно ушиблись; но вы, конечно, понимаете, что не только ребенокъ, но и взрослые сердятся на то мѣсто, о которое они ушиблись. Поэтому у меня при встрѣчѣ съ русскимъ невольно всегда шевелится чувство раздраженія, но съ другой стороны я помню, что я не только полякъ, но и славянинъ, и славянинъ даже прежде чѣмъ полякъ, а славяне могутъ существовать, и существовать славно, только объединившись въ одно братское цѣлое. И я убѣжденъ, что будущее славянства—въ объединеніи съ Россіей. Съ этой стороны я люблю Россію, горжусь ея величіемъ и силой и страстно желаю ей всякаго преуспѣянія.

— Польша, какъ самостоятельное цѣлое, немыслима и съ Россіей соперничать не можетъ. Это фактъ, какъ фактъ—смерть горячо любимаго человѣка. Представьте, что вы страстно любите

кого-нибудь, выше всего дорожите его жизнью и счастьемъ и готовы за его благо отдать свое личное счастье, дать изрѣзать себя въ куски. Вдругъ этотъ человѣкъ послѣ тяжкой и долгой мучительной борьбы умираетъ. Вы плачете, убиваетесь горемъ, рвете на себѣ волосы, но онъ умеръ, онъ мертвъ, никогда не можетъ встать изъ могилы. Вы будете вѣчно хранить о немъ благоговѣйную память, но оживить его уже не будете въ силахъ. Съ этимъ надо считаться и жизнь далѣе устраивать уже безъ него..

Такимъ дорогимъ, безцѣннымъ мертвецомъ для насъ поляковъ является Польша, какъ политическое, самостоятельное цѣлое. Она умерла! Это ужасно, это невыносимо тяжело, но это фактъ. Можно грустить, и можетъ быть, даже должно, но злобиться, косо глядѣть на другого вѣчно, это уже неумно, скажу болѣе, нехорошо. Прибавлю еще, преступно передъ роднымъ народомъ. Будущее польскаго племени въ тѣсномъ культурномъ единеніи со всѣми славянами, и въ частности съ русскимъ народомъ. И тутъ вы русскіе должны придти намъ на помощь. У васъ нѣтъ въ прошломъ горечи обиды, вамъ легче подойти къ намъ, чѣмъ намъ къ вамъ. Легче съ тонкимъ благородствомъ дать, чѣмъ почтительно просить. Вы, русскіе, уже много дали полякамъ. Вы дали польскому крестьянству то, чего они никогда не имѣли въ пору полной свободы Польши, вы дали освобожденіе отъ крѣпостнаго права и свободный надѣлъ, землю. Это—ваша вѣчная громадная заслуга передъ польскимъ мужикомъ и громадный политическій тактъ; но по

GAVLAMOUNT

злой ироніи судьбы вы не можете воспользоваться плодами своего безусловно добраго дѣла.

Лучшія силы облагодѣтельствованнаго вами крестьянства выростаютъ изъ своего зипуна, переходятъ въ ряды интеллигенціи, той скромной, рабочей силы, которую вы, русскіе, какъ-будто не цѣните и съ которой не хотите считаться, а въ ней и есть гвоздь вопроса. Вы, послѣ мужика, смотрите на пановъ, на нашихъ магнатовъ, на нашихъ графовъ и князей. Это напрасно. Ихъ къ себѣ вы никогда не привяжите. Имъ надо то, что вы отъ нихъ безъ возврата отняли. Имъ нужна полная зависимость „быдла", народа. Для нихъ, по существу, совершенно безразлично, кто ими будетъ править. Имъ нужна полная власть надъ народомъ, надъ мужикомъ. Вы это отняли и вернуть, конечно, не можете и потому, что вы ни дѣлали бы, какъ бы съ ними не заигрывали, вашими по-сердцу они никогда не будутъ. Они никогда ничьми по-сердцу не были. Они въ дѣйствительности и сгубили Польшу. У нихъ нѣтъ настоящихъ ни національныхъ-польскихъ, ни племенныхъ славянскихъ интересовъ; у нихъ есть интересы свои кастовые, узко-эгоистичные. Они презираютъ весь вашъ строй. Они совершенно не понимаютъ, что тотъ, напримѣръ, чиновникъ съ кокардой, который трясется въ тарантасѣ, есть носитель великой государственной идеи, объединяющей Русь отъ Балтики до Портъ-Артура. Я хорошо понимаю, что все величіе Россіи, всю ея политическую ширь создали три кита, мужикъ съ сохой, казакъ съ пикой, да чиновникъ съ кокардой, раньше дьякъ. У насъ, поляковъ, къ сожалѣнію, все дѣлали одни паны. Были у насъ,

правда, еще и казаки, такъ и тѣхъ паны отъ себя къ вамъ, русскимъ, оттолкнули. Въ этихъ панахъ не было силы въ прошломъ, нѣтъ и въ будущемъ. Будущее польскаго народа за его солидной, серьезно и много работающей интеллигенціей. Вы, русскіе, ближе и любовнѣе подойдите къ ней, ее приласкайте, пригрѣйте.

Филиппъ Македонскій говорилъ: „съ большими надо обращаться, какъ и съ дѣтьми. Если хочешь ихъ привязать къ себѣ,—приласкай". Приласкайте и вы польскую интеллигенцію, дайте ей видѣть въ васъ не торжествующаго побѣдителя, а близкаго, родного человѣка, любящаго брата. Любовный союзъ тутъ возможенъ, а случись онъ, вся исторія пошла бы совершенно инымъ путемъ. У васъ, на границѣ съ Пруссіей—Познань, а на границѣ съ Австріей—Галиція. Это для вашихъ политическихъ сосѣдей двѣ очень чувствительныя педали и вы, разумно надавливая на нихъ, могли-бы разыграть съ пруссаками и австрійцами не мало пьесъ въ чисто русскомъ, еще лучше, въ славянскомъ духѣ.

— Скажите,—спросилъ я моего мудраго собесѣдника—если это не излишне нескромный вопросъ, вы—исключительное явленіе, или ваши слова можно принять за голосъ нѣкоторой партіи?

— Я живу въ Галиціи,—отвѣчалъ онъ,—но знаю много русскихъ и нѣмецкихъ поляковъ, которые думаютъ и чувствуютъ по-моему. Они хотѣли бы громче говорить объ общеславянскомъ братствѣ съ русскими, но имъ трудно это дѣлать безъ осязательныхъ проявленій братскихъ чувствъ и братскаго довѣрія со стороны русскихъ.

— Скажите,—обратился онъ ко мнѣ, — почему

GAYLAMOUNT

вы, русскіе, не довѣряете нашей польской искренности, предполагаете всегда и вездѣ, хитрости, подвохъ, задній умыселъ? Это и несправедливо, и обидно, наконецъ. Почему вы, ничего не видя, всегда предполагаете непремѣнно дурное?

— А почему вы вчера ночью, входя въ вагонъ и не зная меня боялись остаться наединѣ? Почему вы предполагали про меня непремѣнно дурное?—спросилъ я его.

Онъ смутился. Я успокоилъ, его сказавъ, что я и самъ былъ не лучше, что таково ужъ печальное, наслѣдіе вѣковъ, но что намъ, новымъ людямъ, надо жизнь налаживать по новому, и чѣмъ это тяжелѣе, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе необходимо работать въ новомъ духѣ, въ духѣ братства, племенной и общечеловѣческой любви, а не націоналистической, узкоэгоистической ненависти.

Мы простились, пожелавъ, чтобы скорѣе настало время, когда также, какъ мы двое, договорились до добраго конца и дожили до любовнаго примиренія и оба братскіе народы,—русскій и польскій.

III.

Еврейское царство.

Поѣздъ изъ Кіева въ Австрію, на Вѣну и Будапештъ, идетъ черезъ Волочискъ. За пограничной чертой сейчасъ же на австрійской землѣ лежитъ Подволочискъ. Здѣсь осмотръ паспортовъ, ревизія багажа и перемѣна поѣзда. Мы стоимъ полтора часа. Я скоро освободился отъ осмотра багажа и иду бродить по мѣстечку. Утро. Въ мѣстечкѣ разгаръ мѣстной жизни. На базарѣ шумный торгъ, улицы оживлены, въ школѣ сквозь открытыя окна слышно дѣтское жужжаніе.

Мѣстечко не велико, съ сотни-полторы домовъ, разбросанныхъ по двумъ-тремъ кривымъ и довольно неказистымъ улицамъ. Самое сильное впечатлѣніе—евреи. Я сѣверянинъ. Юго-западъ Россіи знаю мелькомъ, видѣлъ больше проѣздомъ; такъ сказать, изъ вагоннаго окна и тутъ, въ Подволочискѣ, впервые встрѣчаюсь на маленькомъ клочкѣ земли, въ крохотномъ уголкѣ съ такою массой еврейства. На станціи и около станціи евреи; евреи густо попадаются на дорогѣ, на базарѣ и продавцы и покупатели—евреи; во всѣхъ лавкахъ мѣстечка—евреи; въ домахъ изъ оконъ выглядываютъ еврейскія лица. Вездѣ евреи и евреи.

Со мной въ вагонѣ ѣдетъ львовскій полякъ, помѣщикъ. Онъ указываетъ на сплошную еврейскую толпу и говоритъ:

— Настоящее еврейское царство. И такъ во всей Галиціи. Галиція вся запружена евреемъ; и города, и деревни.

Я зналъ заранѣе, что будетъ говорить помѣщикъ о евреяхъ. Всеобщія жалобы на евреевъ, что они высасываютъ сокъ населенія, что они раззоряютъ страну, что они—язва на тѣлѣ мужика по всей Галиціи, мнѣ были извѣстны. Мнѣ не хотѣлось въ сотый разъ слышать то, о чемъ безъ конца и говорилось и писалось. Мнѣ хотѣлось самому, со стороны, безпристрастно вглядѣться въ еврейство. Я всматривался въ ихъ лица, въ ихъ одежду, жилища. Достатка большого не видно было. Скорѣе сквозила нужда. Фигуры попадались болѣе все тощія, лица блѣдныя. И замѣчательно, что эти тощія и блѣдныя лица были какъ бы интеллигентнѣе, одухотвореннѣе, если такъ можно выразиться. Въ нихъ не замѣчалось ни голоднаго хищничества, ни сытаго самодовольства насосавшагося паука, что иногда можно было видѣть на лицахъ также толпы, шумно обдѣлавшей свои „гешефты“ около станціи.

Послѣ, дальше въ Галиціи, во Львовѣ, въ областной столицѣ, гдѣ евреи также кишатъ, гдѣ есть даже свой спеціально-еврейскій театръ и гдѣ попадаются улицы, въ которыхъ на пять вывѣсокъ три обязательно на еврейскомъ языкѣ и еврейскими буквами, я съ особымъ интересомъ всматривался именно въ эти „тощія и блѣдныя“ лица евреевъ и иногда подолгу по-хорошему бесѣдовалъ съ ними. Это были большею частью все бѣдняки, ремесленники, мастеровые и, право, все хорошіе, добрые люди. Нѣкоторые изъ нихъ даже

поражали своею красотой души. Попадались иногда трогательные идеалисты, люди, нѣжно любившіе свой несчастный загнанный народъ, горячо вѣрившіе въ торжество правды и въ братство людей. Помню одного меламеда (частный учитель у евреевъ). Бѣдняга живетъ впроголодь, получаетъ гроши. Умственнаго развитія никакого; знанія убоги до смѣшного; или, лучше, до горя въ учителѣ, а сердце—какой-то яркій факелъ любви и состраданія ко всему, что живетъ и мучается. Онъ заговорилъ со мной о тѣхъ обидахъ, презрѣніи, которыя часто терпитъ еврейство, и говоритъ какъ-то дѣтски незлобиво, съ любовью къ обидчику. Онъ говорилъ:

— Когда человѣку больно очень бываетъ, онъ топаетъ ногой объ полъ, стучитъ кулакомъ по столу, рветъ что-нибудь зубами, ломаетъ, что попадется подъ руку. Ему надо надъ чѣмъ-нибудь проявить свое раздраженіе и тутъ часто несправедливо терпитъ тотъ, кто случится подъ рукой слабѣе. И такъ, какъ у людей очень ужъ вездѣ горя много, очень ужъ больно многимъ бываетъ, то немудрено, что иногда ни за что, ни про что достается и еврею. Ну, что жъ? Надо терпѣть. Еврей пріученъ къ терпѣнію. Онъ много можетъ терпѣть и стерпитъ. Тутъ надо не считаться, кому больнѣе, а подумать какъ бы жизнь устроить такъ чтобы всѣмъ меньше горя было, легче стало жить.

— Это будетъ,—увѣренно заговорилъ онъ потомъ,—не скоро, а будетъ. Не можетъ не быть!

Лицо его все при этомъ свѣтилось вѣрой въ будущее счастье всѣхъ людей, вѣрой въ любовную братскую общую жизнь. Я смотрѣлъ въ его

GAVLAMOUNI

чистые, добрые глаза, горящіе свѣтлымъ огнемъ на чахломъ, наголодавшемся лицѣ, и думалъ:

— Вотъ и еврей, простой малограмотный еврей, а много-ли среди насъ, просвѣщенныхъ христіанъ, найдешь такихъ убѣжденныхъ идеалистовъ, съ такою широкою, всепокрывающею любовью? А онъ, вѣдь, несомнѣнно, не одинъ среди своихъ. Нельзя, стало быть, весь народъ, все племя однимъ аршиномъ мѣрять, все еврейство одною черной краской рисовать.

Мнѣ думается, что если мы и вообще судимъ сплошь и рядомъ поверхностно и близоруко, то въ своей огульной оцѣнкѣ еврейства еще менѣе проявляемъ вдумчивости. Мы видимъ темныя стороны еврейства, не замѣчаемъ его свѣтлыхъ и не даемъ себѣ труда разобраться въ причинахъ, обусловливающихъ собою „жидовство". Мы хорошо знаемъ и много говоримъ о венеціанскомъ купцѣ, о шекспировскомъ Шейлокѣ, о евреѣ-ростовщикѣ, кровопійцѣ, способномъ вырѣзать у живого человѣка фунтъ мяса, и забываемъ Лессинговскаго еврея, Натана Мудраго. Мы тычемъ еврейству въ глаза кучею всевозможныхъ гешефтмахеровъ, ловкихъ дѣльцовъ и темныхъ предпринимателей и не хотимъ вспомнить о великомъ еврейскомъ мудрецѣ, Борухѣ Спинозѣ; не думаемъ, что первые глашатаи великихъ истинъ евангелія, апостолы, были евреи; не соображаемъ, что и само христіанство выросло на еврейской почвѣ. Мы забываемъ наконецъ, что и совершеннѣйшій образъ чистой женской души, образъ Дѣвы Маріи, былъ данъ еврействомъ.

Нѣтъ спора, еврейство историческое и еврей-

еменное, наличное, имѣютъ много тем-
ронъ, много своихъ специфическихъ, чи-
ійскихъ недостатковъ и пороковъ; но, во-
, развѣ остальное человѣчество, всѣ дру-
мѣ евреевъ, народы и племена, сами без-
? чужды тѣхъ же и въ придачу многихъ
ь пороковъ? Вѣдь, очевидно, что если бы
илась въ новой редакціи евангельская сцена
исуса надъ приведенной къ Нему грѣшни-
если бы всѣ христіанскіе народы, въ лицѣ
ъ представителей привели на судъ Спаси-
связаннымъ еврея, требовали бы его казни и
сили:—Ты что намъ скажешь?—то услыхали бы
ъ же великій отвѣтъ Высшей Правды:

— Кто изъ васъ безъ грѣха, брось въ него, еврея камнемъ.

И, конечно, исходъ суда получился бы тотъ же: рогимъ судьямъ въ смущеніи, со стыдомъ прилось бы отойти въ сторону. „Жидовства“ всяго не мало во всѣхъ насъ самихъ и если мы ерьезно возмущаемся имъ, этимъ жидовствомъ, во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ, то необходимо бороться не съ еврействомъ, какъ съ націей, не съ евреями, какъ съ людьми, а, именно, съ жидовствомъ, т. е. со зломъ въ людяхъ, а зла всякаго, повторяю, много во всемъ человѣчествѣ и борьба съ нимъ—вопросъ общечеловѣческій, а не исключительно еврейскій.

Мой случайный спутникъ по вагону, польскій помѣщикъ изъ-подъ Львова, страстно оспаривалъ мой взглядъ на еврейство.

— Вы слишкомъ обобщаете дѣло,—говорилъ онъ мнѣ.—Конечно, всѣ мы не святые и въ раю

ГАУЛАМОУНТ

врядъ ли съ нетерпѣніемъ ждутъ насъ, но еврейскіе пороки, это особые, свои, чисто еврейскіе пороки. Возьмите жадность еврея къ деньгамъ, его юркость и пронырство, способность всюду пролѣзть ужомъ; посмотрите какъ онъ гнется передъ сильнымъ и какъ грубо нахаленъ, чуть только почувствуетъ свою силу. Подумайте, наконецъ, о той ненависти, которою проникнуто еврейство ко всему чужому, о его обособленности, повсемѣстной отчужденности, полной неспособности слиться съ окружающей средой.

— Все это понятно и все это, къ сожалѣнію, естественно, — отвѣчалъ я; — все это неизбѣжно должно быть. Припомните, въ какихъ условіяхъ исторически живо, развивалось и воспитывалось еврейство, что оно видѣло отъ окружающей среды? Какъ относились къ нему христіане? Вѣдь до половины прошлаго столѣтія въ Римѣ, въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ существовали гетто, особые кварталы, гдѣ евреи какъ зачумленные, скучивались на житье и отдѣлялись отъ другихъ жителей съ девяти часовъ вечера до утра рогатками и цѣпями.

Возьмите самое кроткое существо, любую домашнюю нѣжную кошечку или собачку и начните ее травить. Она озвѣрѣетъ и станетъ царапаться и кусаться, будетъ постоянно щетиниться на васъ. Евреевъ травили вѣка. Немудрено, что у нихъ накопилось много въ сердцѣ злобы и эта злоба глубоко сидитъ въ нихъ. Болѣзнь вѣдь входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Что касается еврейской сплоченности, ихъ юркости и при случаѣ, въ торжествѣ, наглости, это

также вѣрно, но это опять—неизбѣжный результатъ ихъ вѣковой угнетенности. Всякое племя, народъ, сословіе, общество, когда его давятъ и тѣснятъ извнѣ, ищетъ опоры въ себѣ, сплачивается тѣснѣе между собою. Евреи не исключеніе. Ихъ давятъ снаружи, они тѣснѣе смыкаются у себя, а среди другихъ норовятъ всячески изловчиться, проюркнуть умомъ. Жизнь остановить, задержать нельзя. Она ищетъ себѣ выхода, проявленія. Стѣсненная плотиной, вода просачивается сторонкой, пробивается въ щели. Если же она прорвется, тогда она начинаетъ уже бушевать. Таковъ законъ. Таковы и всѣ люди.

Мы по себѣ, по своимъ знаемъ, какъ мѣняется человѣкъ, когда онъ изъ грязи да попадетъ въ князи. Дуга, которую долго гнули въ одну сторону, когда ее развяжешь, пустишь свободно, не остановится на серединѣ, не станетъ лишь прямою, а непремѣнно перекинется въ другую сторону. Такъ и человѣкъ. Будь онъ еврей, или не еврей, когда его долго гнули къ низу, получивъ свободу, добившись силы, перегнется въ другую сторону, будетъ загибаться кверху.

Относительно же денегъ, еврейской страсти къ грошамъ, я приведу страничку изъ милаго разсказа одной польской писательницы, Маріи Конопницкой, изъ „Менделя Гданскаго". Въ разсказѣ еврей Мендель, старый переплетчикъ бесѣдуетъ съ часовщикомъ-христіаниномъ, который перечисляетъ всѣ вины и преступленія евреевъ. Мендель отвѣчаетъ:

— Господинъ говоритъ, — что для евреевъ деньги все! Ну пусть будетъ и такъ! А знаетъ

ΓΑΥΛΑΜΟΥΝΙ

господинъ, почему? Господинъ не знаетъ? Господинъ думаетъ, что потому, что жидки хитрые? Но господинъ ошибается. Господинъ знаетъ тотъ столбъ, что стоитъ при въѣздѣ въ городъ? Ну, если бы тамъ, на тотъ столбъ, положить честь, великую славу, великія почести, большіе чины и деньги тоже,—ну, что одинъ полѣзъ-бы на тотъ столбъ за честью, другой—за мудростью, третій—за почестями, а четвертый за—славой; ну, нашлись бы и такіе, что и за деньгами полѣзли бы, хотя возлѣ будетъ лежать и другое. Ну, а если бы на тотъ столбъ положены были только деньги, а не было бы на немъ ни чести, ни славы, ни мудрости, то зачѣмъ лѣзли бы тогда люди на тотъ столбъ? Какъ господинъ думаетъ? За деньгами бы они лѣзли и ни зачѣмъ больше. Ну, какъ господинъ думаетъ, что лежитъ на нашемъ еврейскомъ столбѣ? Лежатъ только деньги. Такъ мы за деньгами и лѣземъ.

Въ этихъ словахъ стараго еврея много горькой правды. Вѣка всюду гонимый, вездѣ безправный еврей единственную свою силу, свою опору могъ видѣть въ деньгахъ. Деньгами онъ и среди христіанъ вѣрнѣе и скорѣе всего могъ добиться желаннаго, сохранить свою безопасность. Вотъ онъ и уходитъ весь въ деньги.

— Нѣтъ,—говорилъ я своему собесѣднику,—многія, дѣйствительно, темныя и непріятныя черты еврейства есть не существенная особенность, отличительная природная черта евреевъ, а печальный результатъ тажелыхъ историческихъ условій, среди которыхъ вѣками угнеталось, замыкалось въ себѣ еврейство.

Я увѣренъ, что встрѣть еврейство въ дальнѣйшемъ историческомъ своемъ существованіи иное, болѣе братское, любовное отношеніе къ себѣ, случись, что христіане, помимо наличныхъ пороковъ еврейства, отнеслись бы къ нему, дѣйствительно по христіански, оно значительно бы измѣнилось къ лучшему. Потеплѣй вокругъ евреевъ нравственная атмосфера, еврейство, несомнѣнно, стало бы мягче, потеплѣло само.

Со мной былъ однажды любопытный случай. Я съ хорошимъ знакомымъ возвращался изъ Италіи, изъ Венеціи, черезъ Швейцарію домой, въ Россію. На день, остановились въ Люцернѣ. Вечеромъ пошли въ кургаузъ читать русскія газеты.

Пробыли до половины двѣнадцатаго ночи. Вышли на улицу. Моросило. Мы, безъ зонтиковъ, остановились въ раздумьѣ: идти или переждать дождь. У крыльца въ одномъ сюртучкѣ, съежившись, стоялъ 16—17 лѣтъ мальчикъ съ милымъ красивымъ интеллигентнымъ лицомъ. Мы спустились съ крыльца и пошли. Проходя мимо юноши, я сказалъ товарищу по-русски:

— Смотрите, какое милое, симпатичное умное лицо!

Юноша вдругъ улыбнулся и пошелъ за нами. Я удивленно полуобернулся и говорю:

— Никакъ понимаетъ?

— Да, понимаю,—отвѣчаетъ тотъ съ легкимъ польско-еврейскимъ акцентомъ.

Я заговорилъ съ нимъ. Оказалась грустная исторія. Мальчикъ еврей, шестиклассникъ—гимназистъ попалъ въ рабочее движеніе; былъ уволенъ

изъ гимназіи и выгнанъ изъ дому отцомъ, у котораго пятнадцатилѣтній „соціалистъ“ *побунтовалъ* рабочихъ, какъ онъ выразился самъ. Теперь онъ оказался за-границей, безъ гроша денегъ въ карманѣ и двѣ послѣднія ночи ночевалъ въ полѣ, въ горохѣ; одну подъ дождемъ. Мнѣ стало невыразимо жаль его.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ я его.

— Мнѣ бы добраться до Женевы. Тамъ я кое-какъ устроюсь. У меня есть знакомые, помогутъ.

У меня при себѣ были итальянскія деньги, бумажки по сто лиръ. Мелкихъ денегъ швейцарскихъ еще не успѣлъ намѣнять. Поэтому, узнавъ, что билетъ до Женевы стоилъ тринадцать франковъ, я обѣщалъ ему купить на завтра. Пока же на ночлегъ далъ ему одинъ франкъ съ чѣмъ-то и указалъ свой отель.

На утро онъ не пришелъ. Я ждалъ до 10, до 11, до 12, до часу, потомъ уѣхалъ. Заболѣлъ ли мой бѣдный землякъ; измученный ли двумя безсонными ночами, проспалъ онъ до полдня, только меня онъ не засталъ. Я уѣхалъ, не видавъ его, и мнѣ было страшно тяжело уѣзжать изъ Люцерна, словно я тамъ больнымъ въ одиночествѣ оставлялъ родного брата. Недѣли черезъ полторы я былъ уже въ Россіи, изъ Вержболова ѣхалъ въ Вильно. Въ буфетѣ Вержболова разговорился съ евреемъ, купцомъ изъ Варшавы. Я обрадовался: мой юноша былъ изъ Варшавы.

— Не знаете ли—говорю,—такой-то исторіи?— Не слыхали ли среди своихъ знакомыхъ объ отцѣ, прогнавшемъ сына?

Я разсказалъ свою встрѣчу. Еврей не зналъ такого случая.

Я просилъ его разузнать и, если узнаетъ, написать мнѣ.

— На что вамъ?—говорилъ еврей.

— Мнѣ жалко бѣднаго мальчика, заброшеннаго на чужбину. Если узнаю адресъ отца, я напишу ему, а то и самъ поѣду къ нему и скажу: „вы еврей, а я русскій; вы іудей по вѣрѣ, я христіанинъ. Я вамъ чужой, но я встрѣтилъ далеко на чужбинѣ вашего сына и мнѣ жалко его. Неужели вы, отецъ, не пожалѣете и не простите его?“.

Мой случайный спутникъ, еврей, купецъ, вздрогнулъ:

— Вы хотите это сдѣлать? Вы? Вы, русскій, христіанинъ, сдѣлаете это для еврея, для маленькаго паршиваго жида?

— Не для жида, а для человѣка, для моего брата,—поправилъ я его.

— Да вѣдь онъ жидъ!—твердилъ еврей-купецъ.

— Человѣкъ,—опять отвѣчалъ я ему.

Тогда еврей подошелъ ко мнѣ и особымъ нутрянымъ голосомъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ васъ поцѣловать, какъ брата. Я хотѣлъ бы поцѣловать вашу руку, но знаю, вы не позволите мнѣ.

Всю дорогу затѣмъ еврей-купецъ, человѣкъ лѣтъ 40—45, ухаживалъ за мной самымъ предупредительнымъ образомъ. Я увѣренъ, что каковъ бы ни былъ въ обычныхъ отношеніяхъ этотъ купецъ еврей, по отношенію ко мнѣ онъ никогда не сталъ бы *„жидомъ“*. Поэтому, когда мнѣ, въ теченіе мѣсячнаго моего пребыванія въ Галиціи и вообще

въ Австріи не разъ рисовали ужасными красками еврейство и когда потомъ, дома, то же повторяли относительно западнаго края у насъ, и говорили, что я разсуждаю такъ благодушно о еврействѣ потому, что я не имѣлъ лично съ нимъ никакого дѣла, не жилъ среди евреевъ,—я убѣжденно говорилъ и говорю:

— Все знаю, охотно признаю и допускаю справедливость многихъ тяжкихъ обвиненій противъ еврейства, но вина въ томъ лежитъ столько же на христіанахъ, сколько на самихъ евреяхъ и помочь тутъ можно не травлей евреевъ, а горячимъ и искреннимъ призывомъ всѣхъ людей, и евреевъ, и не-евреевъ, на борьбу съ вѣковой тьмой, тьмой и ума, и сердца. Противъ тьмы одно средство—свѣтъ, и зло людское можно одолѣть то любовью.

IV.

Кулакомъ по кулаку.

Кто сѣетъ вѣтеръ, пожнетъ бурю.

Не надо быть пророкомъ, чтобы послѣ томительнаго удушья знойнаго дня предсказать бурю съ ливнемъ, съ громомъ и молніей. Точно также для наблюдательныхъ и вдумчивыхъ умовъ не были неожиданными и тѣ грозныя событія въ Китаѣ, что такъ еще недавно взволновали Европу. Французскій ученый, знаменитый географъ Реклю, нашъ покойный философъ, Владиміръ Соловьевъ, и кое-кто другіе давно уже предсказывали, что съ Китаемъ шутить не приходится, что европейцы тамъ пляшутъ на вулканѣ и что въ Китаѣ можетъ произойти такое изверженіе, которое затопитъ кровью и слезами всю Европу. Слова начали сбываться скорѣе, чѣмъ высказывавшіе сами ожидали. Далекій востокъ принесъ не мало тревожныхъ вѣстей и кто знаетъ, что онъ еще дастъ въ будущемъ.

Китай—слишкомъ сложная, громоздкая и необъятная машина. Это цѣлое море. Его трудно раскачать, привести въ волненіе; за то, когда оно расходится, оно долго свирѣпо бушуетъ.

Вѣтеръ давно уже улегся, на сушѣ спокойно, а море все бѣшено реветъ, все съ грознымъ воемъ

бьется о берегъ. Въ Китаѣ же слишкомъ долго сѣяли вѣтеръ и нѣтъ ничего мудренаго, что тамъ, наконецъ, разразилась буря и эта буря можетъ причинить много страшныхъ бѣдъ.

О Китаѣ всѣ слышали; всѣ много про него говорятъ, но толкомъ его почти совсѣмъ не знаютъ, не имѣютъ о немъ правильныхъ представленій. Обыкновенно принято думать, что это отсталая страна, главною особенностью которой являются милліоны глупыхъ, безсмысленныхъ, такъ называемыхъ, *китайскихъ* церемоній. Въ дѣйствительности, Китай заслуживаетъ несравненно болѣе глубокаго уваженія. Въ Китаѣ своя особая, но давняя цивилизація. Китайцы были просвѣщеннымъ народомъ, имѣли своихъ знаменитыхъ писателей и философовъ тогда, когда многихъ европейскихъ народовъ еще и не существовало даже въ варварскомъ состояніи. За долгіе вѣка самобытной жизни Китай успѣлъ пережить множество всевозможныхъ смутъ, волненій и внутреннихъ движеній, и, наконецъ, отлился въ окончательную форму, установился на обычаяхъ, освященныхъ тысячелѣтіями. Для насъ эти обычаи, можетъ быть, странны, непонятны и неудобны, но китайцамъ они вполнѣ по плечу.

Намъ смѣшны юбки китайцевъ и ихъ длинныя косы, а китаецъ чувствуетъ себя съ ними превосходно. Такъ и со всѣмъ китайскимъ укладомъ жизни.

И тамъ жизнь не замерла, какъ обычно думаютъ, а успокоилась; не скачетъ, какъ у насъ, черезъ пороги, не падаетъ съ утесовъ водопадами, а чуть плещется, какъ тотъ Тихій океанъ, который омываетъ берега Китая.

*

У насъ жизнь еще бродитъ, какъ молодое вино, а Китай давно уже выбродился. Это старикъ, который давно пережилъ увлеченія пылкой молодости и на все смотритъ глазами вѣковаго житейскаго опыта. Его не манитъ бранный задоръ, не льститъ слава завоевателя; онъ хочетъ только въ покоѣ ѣсть свой трудовой хлѣбъ. На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого болѣе трудолюбиваго и мирнаго народа. Китайцы не любятъ войны, презираютъ ее. Они говорятъ, что народъ, который гордится своими многочисленными военными героями,—разбойничій народъ и что люди рождаются на землѣ для труда, а не для убійства другъ друга. По отзывамъ безпристрастныхъ знатоковъ Китая, лица китайцевъ поражаютъ своею вдумчивостью; видно, что люди вѣками привыкли мыслить, жить и работать головой. Никогда не нападая на сосѣднія страны, Китай хотѣлъ одного, чтобы и его не трогали. Но послѣднія полвѣка въ Китай начинаютъ усиленно двигаться европейцы. Громадныя богатства Китая представлялись европейцамъ слишкомъ лакомымъ кускомъ, чтобы его оставить въ покоѣ и Китай, подъ предлогомъ просвѣщенія, наводняется миссіонерами, купцами, фабрикантами. Начинается хищный дневной грабежъ мирнаго народа. Начало, какъ водится, положили англичане. Изъ сосѣдней Индіи они начали отравлять китайцевъ опіумомъ. Китайцы большіе охотники до куренія опіума, но опіумъ страшно вреденъ для здоровья. Китайскія власти запрещаютъ ввозъ опіума. Тогда англичане съ пушками врываются въ столицу Китая, въ Пекинъ, и силой заставляютъ отмѣнить запрещеніе отравляться опіумомъ китайцамъ.

Это было первое близкое знакомство китайцевъ съ европейскою цивилизаціею. Затѣмъ европейцы заводятъ въ Китаѣ, фабрики, желѣзныя дороги; подбиваютъ правительство вооружить страну на европейскій ладъ и поставляютъ тьму пушекъ, ядеръ, броненосцевъ. У китайцевъ слагается о европейцахъ прочное убѣжденіе, какъ о хищникахъ, грабителяхъ, которыхъ ненавидятъ, но которымъ до поры до времени подчиняются изъ страха европейскихъ скорострѣльныхъ пушекъ и орудій. Миссіонеры являлись слишкомъ слабымъ противовѣсомъ въ виду насилія христіанскихъ народовъ надъ беззащитнымъ Китаемъ. Китайцы отъ нихъ слышали прекрасныя слова о любви и братствѣ, но видѣли отъ ихъ собратьевъ дѣла разбоя и грабежа. Не говоря уже о томъ, что сами миссіонеры, за ничтожнымъ исключеніемъ, носили только званіе апостольскаго служенія, а духа апостоловъ въ нихъ не было и помину. Они являлись скорѣе торговыми и политическими дѣятелями своихъ правительствъ, чѣмъ носителями и распространителями свѣта Христова. За послѣдніе годы часто можно было читать такого рода телеграммы: „Китайцами зарѣзаны 2—3 миссіонера. Посланные на мѣсто убійства броненосцы второй день бомбардируютъ берегъ. Сожжено много деревень“. Такая проповѣдь Евангелія огнемъ и мечемъ не могла, конечно, внушить китайцамъ расположенія къ христіанству. Она только пуще распаляла злобу на „бѣлыхъ дьяволовъ“, такъ называютъ китайцы европейцевъ.

Съ годами аппетитъ европейцевъ все росъ и росъ. Случилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ

война у китайцевъ съ Японіей. Обученные и вооруженные по европейски японцы побили Китай. Крохотная Японія осилила, шутя, громадный Китай. Европейцы окончательно убѣдились, что съ Китаемъ можно не церемониться. Одно государство за другимъ насильно захватываетъ значительныя части Китая. Несчастные, только что побитые африканскими варварами итальянцы, и тѣ нахрапомъ требуютъ себѣ доли. Предположили, что человѣкъ больной, что онъ защищаться не можетъ, и кто что хочетъ, тотъ то и беретъ. И все это продѣлывается грубо, съ насиліемъ, съ угрозами кулакомъ. Вся европейская цивилизація все время представлялась китайцамъ въ видѣ кулака. У европейскихъ дипломатовъ, вообще, сложилось грустное убѣжденіе, что съ неевропейскими народами надо дѣйствовать только страхомъ, кулакомъ.—

Эти азіатскіе варвары,—говорятъ обыкновенно въ Европѣ,—только и подчиняются грубой силѣ.

Печальный показатель грубости самой нашей европейской цивилизаціи, у которой кромѣ кулака нѣтъ средства воздѣйствія на грубыя, непросвѣщенныя племена. Но кулакомъ можно вѣдь бить только по мягкому; а если подъ руку попадется что нибудь твердое, пожалуй, и кулакъ разобьешь. Такъ и случилось въ Китаѣ. Терпѣлъ, терпѣлъ миролюбивый народъ; наконецъ, всякое терпѣніе лопнуло и противъ европейскаго кулака Китай выставилъ свой „Большой Кулакъ“ и больно имъ ударилъ Европу по кулаку.

Грустно, тяжело было читать, когда въ первые дни тревоги всѣ европейскія газеты въ одинъ голосъ стали призывать христіанъ къ войнѣ съ язы-

ческимъ Китаемъ во имя Евангелія. Какая тутъ война христіанства съ язычествомъ? Тутъ война кулака съ кулакомъ. И развѣ мы смѣемъ называть себя христіанами, если мы взываемъ къ богу грома и молніи, проповѣдуемъ необходимость залить кровью Китай, посылаемъ, какъ Вильгельмъ германскій, мстить, мстить убійствомъ, огнемъ и мечемъ? А гдѣ были тогда христіанскіе миссіонеры въ Китаѣ? Ихъ стоны и вопли всегда долетали до Европы, а слышался-ли хоть разъ оттуда ихъ призывъ Европы къ христіанской любви, къ прощенію, къ кроткому рѣшенію кровавой бѣды? Ветхозавѣтный Моисей и апостолъ Павелъ ходатайствовали предъ Богомъ за согрѣшившихъ братьевъ. „Изгладь, Господи, насъ изъ книги жизни,—говорили они,—но помилуй согрѣшившихъ братій нашихъ“. Слышалась-ли когда-нибудь изъ Китая подобная защита миссіонерами разбушевавшейся китайской народной толпы?

Вообще не знаешь, о чемъ болѣе скорбѣть: о томъ-ли что творилось въ Китаѣ, или о томъ, что писало большинство христіанскихъ газетъ, къ чему подъ сѣнью Креста призывали толпу люди, мнящіе себя учителями, руководителями народа? Вотъ ужъ подлинно сбылись слова Спасителя: „если слѣпой слѣпого поведетъ, оба упадутъ въ яму“.

Въ Китаѣ разбушевавшаяся, какъ море въ непогоду, толпа перерѣзала сотню—другую европейцевъ. Ужасное злодѣяніе! Страшное бѣдствіе! Но я вотъ въ Швейцаріи, въ Люцернѣ, видѣлъ памятникъ,—знаменитаго Люцернскаго Льва. Въ скалѣ выдолблена пещера, въ ней умираетъ раненый въ

бокъ копьемъ левъ. Этотъ Люцернскій Левъ имѣетъ свою исторію.

Нѣкогда люцернцы очень любили военное ремесло *(вспомните китайцевъ,—ихъ отношеніе къ войнѣ по нуждѣ*; тутъ же *любили ремесло*), но потомъ, завоевавши независимость страны, они остались дома безъ дѣла. Короли Франціи, пользуясь этимъ, приглашали ихъ къ себѣ на службу для дворцовой стражи, какъ людей храбрыхъ и надежныхъ. Служба эта вообще не была сопряжена съ большими опасностями; но лѣтомъ 1792 года швейцарцамъ пришлось дорого поплатиться за нее. Возставшіе противъ короля парижане, 10 августа 1792 г., ворвались въ Тюльерійскій дворецъ, защищаемый двумя батальонами королевской гвардіи, сплошь изъ швейцарцевъ. Произошла отчаянная схватка и швейцарцы, послѣ геройскаго сопротивленія, легли костьми всѣ до единаго; 2 и 3 сентября были убиты послѣдніе защитники.

Это было въ Парижѣ, въ центрѣ европейской цивилизаціи въ дни, когда еще прахъ Вольтера, Руссо и цѣлаго ряда другихъ современныхъ имъ философовъ не успѣлъ истлѣть!

Припоминаю другой случай. Въ Германіи была ужасная братоубійственная война изъ за вѣроисповѣданія между католиками и лютеранами. Однажды католическія войска взяли приступомъ городъ лютеранъ и началась страшная рѣзня женъ, дѣтей и стариковъ на улицѣ. Многіе несчастные крестились по католически, показывали кресты, образки на шеѣ, называли свои католическія имена и говорили, что они не лютеране. Мольбы ихъ тронули грубыя сердца солдатъ. Солдаты спрашивали

своихъ духовныхъ: „какъ быть?“ Тѣ отвѣчали: „бей всѣхъ: на небѣ разберутъ, кто правовѣрный, кто еретикъ“.

Такъ въ пылу ярости дѣйствуютъ люди, называющіе себя христіанами. Что же требовать отъ язычниковъ? Вѣдь, вотъ, европейцы оружіемъ въ изобиліи снабдили китайцевъ; научили ихъ и обращаться съ пушками, а воспитать ихъ, направить ихъ умъ и чувства на исканье правды вѣчной и на служеніе добру,—объ этомъ не позаботились. Да и теперь рѣчь ведутъ только о мщеніи, о новыхъ насиліяхъ, о новомъ кулакѣ. Китаю-же нужно отъ Европы совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что китайцы больше всего заботятся о томъ, какъ лучше устроить жизнь на землѣ. Вопросы-же вѣчности, думы о душѣ, о небѣ ихъ мало занимаютъ. Съ этой стороны сердце китайца совсѣмъ еще не затронуто и тутъ для христіанства предстоитъ широкое и необъятное поле дѣятельности. Что китаецъ въ настоящемъ его видѣ могъ сдѣлать, онъ уже давно сдѣлалъ. Добился тутъ совершенства и на томъ застылъ, но застылъ не на всегда. Въ душѣ китайца осталось много струнъ, ничуть еще не затронутыхъ и кто съумѣетъ ихъ расшевелить, тотъ откроетъ Китаю путь къ многимъ новымъ великимъ дѣламъ.

Пока Китай—великая, но дремлющая сила, сила скрытая. И долгъ европейцевъ, если они хотятъ дѣйствительно быть христіанами, учениками любви, а не волками въ овечьей шкурѣ,—не дѣлить Китай на части, не грабить его приморскіе города, не снабжать его пушками и учителями военнаго дѣла, а просвѣщать его Евангеліемъ, раскрыть ему глу-

бокій смыслъ жизни по ученію Христа и въ лицѣ посылаемыхъ въ Китай миссіонеровъ хоть отчасти показать, что̀ такое христіанская жизнь. Теперь-же миссіонеры разныхъ христіанскихъ народовъ много *говорили* китайцамъ о христіанствѣ, но на дѣлѣ китайцы нигдѣ не видѣли, какъ идетъ жизнь по ученію Христа. Въ дѣлахъ европейцевъ въ Китаѣ не было ни любви къ ближнему, ни кротости; отъ христіанъ китаецъ видѣлъ только обиды, насиліе и грабежъ богатствъ Китая. Такое знакомство съ христіанствомъ не могло пробудить въ душѣ китайцевъ новыхъ, ему пока невѣдомыхъ, высокихъ благотворныхъ чувствъ и Китай еще ждетъ апостоловъ—проповѣдниковъ Христа, проповѣдниковъ не словъ, а дѣлъ, жизни полной любви и добра.

Истинная и вѣчная культура создается не кулакомъ, хотя-бы и въ борьбѣ противъ „кулаковъ", а внѣдрѣніемъ въ людей духа Божія, который никого не гнететъ, а всѣмъ несетъ призывъ и силы къ общей братской работѣ во имя торжества высшей правды на землѣ и общаго блага всего человѣчества.

И этой великой и святой работы *людямъ-братьямъ* еще много—много въ Китаѣ и еще болѣе, кажется, у себя, въ Европѣ, въ устроеніи желанныхъ братскихъ отношеній одного народа къ другому, сословія къ сословію, одного вѣроисповѣданія къ инымъ вѣроисповѣданіямъ.

V.

Божья рать.

Римскій писатель Корнелій Непотъ въ своей біографіи одного изъ греческихъ героевъ, Эпаминонда говоритъ, что этотъ великій ѳиванецъ, по обычаю грековъ, въ дѣтствѣ былъ обученъ танцамъ и игрѣ на флейтѣ.

Для римскихъ читателей Корнелія Непота подобная особенность воспитанія Эпаминонда могла показаться болѣе чѣмъ странною. У нихъ танцы и игра на флейтѣ считались унизительными и имъ обучали только рабовъ. Поэтому римскій авторъ біографіи греческаго героя добавляетъ: „очень многое, что у римлянъ считалось позорнымъ и легкомысленнымъ, у грековъ было въ почетѣ и наоборотъ. Каждый народъ имѣетъ свои особенности, свои обычаи, свои особые взгляды“.

Къ этимъ словамъ древняго историка надо добавить еще, что отличіе грека отъ римлянина не ограничивалось только этими особенностями въ выборѣ предметовъ школьнаго обученія. Душа древняго грека и душа древняго римлянина, ихъ вкусы и міровоззрѣніе и во многомъ болѣе существенномъ рѣзко отличались. Античный грекъ въ лицѣ

лучшихъ своихъ представителей былъ человѣкъ глубокой мысли, любитель красоты, изящной формы. Онъ создалъ философію, далъ блестящіе образцы поэзіи, оставилъ безсмертные памятники искусства— дивныя статуи.

Римлянинъ былъ, по преимуществу, человѣкъ суровой, желѣзной дисциплины; онъ былъ дѣятель-практикъ, прекрасный администраторъ, поклонникъ скорѣе сильныхъ, могучихъ мускуловъ, нежели изящныхъ тонкихъ линій. Римъ создалъ римское право. Вся римская поэзіи въ сравненіи съ музою Греціи — слабый младенческій лепетъ. Въ области философіи римляне дали болѣе или менѣе извѣстныхъ только моралистовъ — Сенеку, Эпиктета и Марка Аврелія, опять-таки представителей дисциплины, если и не внѣшней, то внутренней, духовной.

Такимъ образомъ, если древнія культуры Греціи и Рима и принято обыкновенно обобщать, разсматривать какъ одну общую античную, классическую культуру, то это не потому, что онѣ совершенно тожественны, однородны, а скорѣе потому, что онѣ дополняютъ одна другую, являются отдѣльными частями одного цѣлаго, служатъ прекраснымъ выразителемъ различныхъ сторонъ человѣческаго духа, потому что соединеніе ихъ воедино дѣлаетъ болѣе яркою и полною картину духовнаго міра древности.

Такое же существенное отличіе въ основныхъ особенностяхъ духа существуетъ и у современныхъ европейскихъ народовъ, которые являются участниками въ одной обще-культурной работѣ. Всѣ

европейскіе народы, или, лучше сказать, всѣ христіанскія націи—и нѣмцы, и французы, и англичане, и шведы, и русскіе, и итальянцы, и американцы-янки, и голландцы и прочіе, всѣ они ткутъ одно полотнище, сообща воздвигаютъ одно зданіе, работаютъ во имя одной культуры, но эта культура—слишкомъ пестрая, разноузорная ткань, чрезвычайно сложное сооруженіе, требуетъ множества различныхъ дарованій и ни одна нація, какъ бы геніальна она ни была, не въ силахъ выдвинуть способныхъ дѣятелей на *всѣхъ* поприщахъ культурной работы.

Какъ въ нѣдрахъ земли нѣкогда создались различные металлы и драгоцѣнные камни и у всѣхъ у нихъ свои отличные и вѣсъ, и плотность, и химическія свойства, и блескъ, и игра, такъ и въ горнилѣ исторической жизни вѣками выработались различныя народности и у всѣхъ у нихъ свои особыя психическія свойства. Отличительныя особенности одной націи даютъ ей преимущество, выдвигаютъ ее въ первые ряды работниковъ, дѣлаютъ болѣе плодотворнымъ ея трудъ на одномъ поприщѣ культурной работы; другая, въ силу своихъ психическихъ данныхъ занимаетъ то же положеніе въ другой сферѣ. Каждая новая нація, вступающая на поприще культурной работы и проявляющая свою самобытность, свою оригинальность—это новая краска на палитрѣ, новый инструментъ въ общемъ оркестрѣ человѣчества, новый голосъ среди хора другихъ народовъ. Нельзя рисовать картину, полную жизни и разнообразія оттѣнковъ, одною краскою; не можетъ быть бо-

гато разработана музыкальная тема, если приходится играть въ оркестрѣ на однородныхъ инструментахъ, или играть на одной струнѣ. Чѣмъ больше красокъ на палитрѣ, тѣмъ ярче и живѣе выйдетъ картина; чѣмъ болѣе разнообразныхъ струнъ, тѣмъ полнѣе получится аккордъ. И чѣмъ болѣе проявится своеобразныхъ особенностей народнаго генія въ культурной работѣ той или другой націи тѣмъ выпуклѣе, осязательнѣе проявится величіе и мощь человѣческаго духа. По этому, кто въ грубой борьбѣ срываетъ хотя-бы одну струну на лирѣ общечеловѣческой души, кто насильственно стираетъ ту или другую краску съ палитры Господней, тотъ совершаетъ великое преступленіе, духовное убійство. Если же струна сама отъ себя теряетъ свою звучность, если племя отъ лѣности, нерадѣнія, теряетъ свою самобытность, самостоятельность, то страна совершаетъ сама преступленіе—свое духовное самоубійство.

Отсюда дѣло національной культуры, ростъ самобытнаго духовнаго развитія народа есть дѣло общечеловѣческое. Тутъ нѣтъ мѣста національной враждѣ и травлѣ, а можетъ быть только совмѣстная работа въ одномъ общемъ Божьемъ дѣлѣ, въ устроеніи Царства Божія въ сердцѣ людей. Карлейль въ своей книгѣ „Герои и героическое въ исторіи“ прекрасно говоритъ: „всѣ люди всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ составляютъ единую армію, которая не смотря на разницу мѣста, времени и развитія предназначена къ одной великой цѣли—къ той, чтобы подъ начальствомъ неба вести неустанную и упорную борьбу съ царствомъ

всяческой тьмы и неправды. Зачѣмъ же намъ спорить и враждовать изъ-за разницы въ оружіи или въ цвѣтѣ мундира? Всякій мундиръ хорошъ, если подъ нимъ бьется мужественное и любящее сердце; всякое оружіе прекрасно, если оно разитъ зло и ведетъ „къ торжеству свѣта, правды и добра“.

„Вѣстникъ трезвости“.

12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ.

Цѣна съ доставкою одинъ р.

Журналъ выходитъ при постоянномъ и ближайшемъ участіи священника

о. Григорія Спиридоновича ПЕТРОВА.

„ВѢСТНИКЪ ТРЕЗВОСТИ“ имѣетъ своею задачею не одну борьбу съ народнымъ пьянствомъ, а вообще проповѣдь трезвыхъ взглядовъ на всѣ явленія личной, семейной, общественной и международной жизни. **Трезвость** мысли, **трезвость** чувствъ и **трезвость** дѣйствій,—вотъ провозвѣстникомъ чего является нашъ журналъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой **трезвости** мы считаемъ возможно полное выясненіе евангельскаго ученія, освѣщеніе имъ всѣхъ сторонъ человѣческой жизни.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Для иногороднихъ: Петербургъ, Гороховая ул., 32, Н. Григорьевъ.

Во всѣхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, и другихъ большихъ городовъ

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

Священника Г. С. Петрова.

„Евангеліе, какъ основа жизни“. 17-е изд. 1903 г. ц. 40 к.

„Школа и Жизнь“. 7-е изд. 1903 г. ц. 50 к.

„По стопамъ Христа“, ч. I. Изд. 7-е, съ рисунками, ц. 40 к.

„По стопамъ Христа“, ч. II. Изд. 5-е, ц. 40 к.

„Братья писатели“. 1903 г. ц. 50 к.

„Апостолы трезвости“. Вып. I. Изд. 3-е, ц. 15 к.

„Бесѣды о Богѣ и Божіей правдѣ“. Изд. 2-е съ рисунками, ц. 20 к.

„Къ свѣту!“ Сборникъ статей. Изд. 4-ое, ц. 20 к.

„Долой пьянство!“ Сборникъ статей. Изд. 4-ое, ц. 25 к.

„Зерна добра“. Сборникъ статей. Изд. 3-е, ц. 25 к.

„Божьи работники“. Сборникъ статей. Изд. 3-е ц. 15 к.

„Христосъ Воскресе!“ Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Изд. 3-е, ц. 15 к.

„Божій путь“. Сборникъ статей. Изд. 3-е, ц. 20 к.

СКЛАДЪ ЭТИХЪ КНИГЪ

въ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА:

въ Москвѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Варшавѣ, въ Екатеринбургѣ, въ Одессѣ, въ Воронежѣ, въ Харьковѣ и въ Нижегородской ярмаркѣ.

ПЕЧАТАЮТСЯ

НОВЫЯ КНИГИ

Священника Г. С. ПЕТРОВА.

„Вавилонская башня“

(ГОРОДА и ЛЮДИ).

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

„По стопамъ Христа“.

„АПОСТОЛЫ ТРЕЗВОСТИ“.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. — Содержаніе: „Пасторъ Гутри“.—“Другъ солдатъ“.—„Другъ матросовъ“.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.—Содержаніе: „С. А. Рачинскій“. — „Протоіерей о. Іоаннъ Наумовичъ“. — „Русскимъ трезвенникамъ“.

Цѣна 15 коп.

8909254140 8

9092541408A

LOS ANGELES

89092541408

b89092541408a